

РИТУАЛЬНЫЕ САМОУБИЙСТВА СТАРООБРЯДЦЕВ В РОССИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

И.В. Лысак

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия

Контактная информация:

Лысак Ирина Витальевна – доктор философских наук, профессор (SPIN-код: 6229-1852; ORCID iD: 0000-0001-9226-1264; Web of Science Researcher ID: C-1558-2017). Место работы и должность: заведующая кафедрой философии ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». Адрес: Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42. Телефон: +7 (863) 437-16-15, электронная почта: ivlysak@sfedu.ru

Одной из проблем, с которой сталкивается любой исследователь, занимающийся изучением массовых самоожжений старообрядцев, является сложность объяснения того, как в их умах совмещались представление о том, что они исповедуют истинное, не искажённое реформами Никона православие, и готовность лишиться себя жизни во имя веры, совершив тем самым смертный грех. Целью исследования является анализ старообрядческого суицида в рамках концепции народной религиозности, позволяющей объяснить приоритет обрядовой практики над догматической составляющей. Материал и методы: Ритуальные самоубийства старообрядцев рассматриваются с позиции социокультурного подхода, на основе принципов историзма и детерминизма, применяются конкретно-исторический и историко-генетический методы исследования. Работа основана на материалах опубликованных судебно-следственных дел о старообрядческих самоожжениях, а также сочинениях самих старообрядцев. Результаты: Автор приходит к выводу, что противоречие между распространённой суицидальной практикой среди старообрядцев и отношением к суициду в христианстве снимается, если рассмотреть, что представляло собой народное православие XVII–XIX вв. Народная религиозность основана не на следовании религиозным догматам, а на обобщённом восприятии религиозного опыта своего социального окружения, она далека от канонических практик, ей присуще эмоциональное отношение к религии. Массовая неграмотность населения, в том числе и многих священнослужителей, неразвитость догматики в православии, сохранение архаических представлений об очищающей и спасающей силе огня привели к тому, что суицид стал рассматриваться старообрядцами как путь к достижению личного спасения и обретения жизни вечной. Хотя старообрядческие священнослужители пытались обосновать суицид догматически, ссылаясь на сюжеты из Библии, содержащие упоминания об огне, а также самоубийства, известные из истории раннего христианства, позволявшие, приняв смерть, не отступить от истинной, с их точки зрения, веры, эти объяснения адресовались, в первую очередь, последователям реформы Никона. Для самих старообрядцев самоожжение становится, прежде всего, ритуалом, которому должен следовать истинно верующий. О значимости ритуальной составляющей для староверов свидетельствуют тщательная подготовка к самоожжению: строительство специальных, предназначенных только для этой цели, сооружений, изготовление особых «смертных рубах», использование восьмиконечного креста как символа истинного христианства, стремление приурочить суицид к значимым религиозным праздникам, почитание мест самоожжения.

Ключевые слова: ритуальный суицид, самоожжение, старообрядцы, церковный раскол, народная религиозность, обрядовере

Проблема старообрядческих самоубийств в течение нескольких веков привлекает внимание исследователей, однако и в настоящее время не выработана единая точка зрения на причины распространения данного явления. Традиционно старообрядческие самоубийства рассматривались как проявления религиозного фанатизма, либо как результат преследования властями, не оставившего староверам иной, кроме суицида, возможности сохранить преданность своей вере. Однако практически без внимания исследователей долгое время оставался вопрос

о том, почему именно среди старообрядцев самоожжения приобрели такой массовый характер, несмотря на то, что христианство, поборниками которого они себя объявляли, осуждает самоубийства и рассматривает их как грех.

Учёных, анализирующих самоубийства старообрядцев, можно условно разделить на три основных группы. К первой следует отнести тех, кто рассматривает суицид, совершаемый старообрядцами, как религиозный и социальный протест, объясняет его социально -

политическими факторами: гонениями на старообрядцев со стороны государства и церкви, а также действиями старообрядческих проповедников, которые склоняли неповинных жертв к суициду, а сами оставались в живых [1–7]. Во вторую группу можно включить сторонников догматического объяснения суицида, связывавших его с особенностями представлений старообрядцев о загробной жизни человека, с учением о все очищающей, спасающей силе огня [8–14]. Исследователи, входящие в третью группу, рассматривают самоубийства старообрядцев, прежде всего, как разновидность обрядовой практики [15–19]. Представляется, однако, что ни один из указанных подходов не следует абсолютизировать. Старообрядческий суицид – явление, прошедшее определённую трансформацию в течение времени, и понять его можно только рассмотрев в единстве вероучения и обрядности в рамках концепции народной религиозности, основывающейся на архаических пластах мировоззрения и синкретичной по своей сущности.

Целью исследования является анализ ритуальных самоубийств старообрядцев с позиции концепции народной религиозности, позволяющей объяснить приоритет обрядности над догматической составляющей.

Материалы и методы.

Ритуальные самоубийства старообрядцев рассматриваются в работе с позиции социокультурного подхода, позволяющего наряду с институциональными сторонами старообрядчества рассмотреть его внеинституциональные стороны в культурном контексте; принципа историзма, способствующего анализу старообрядческого суицида в его развитии; принципа детерминизма, помогающего выявить его причинную обусловленность. Основными методами, применяемыми в работе, являются конкретно-исторический, нарративный метод, заключающийся в описании фактов старообрядческого суицида, с последующим их анализом, а также историко-генетический, позволяющий, с одной стороны, выявить причины ритуального суицида старообрядцев, с другой стороны, охарактеризовать его особенности и конкретные проявления. При написании статьи использованы опубликованные материалы судебно-следственных дел, касающихся старообрядческих самоубийств, публицистические сочи-

нения старообрядческих писателей, а также духовные стихи [20–24].

Результаты и обсуждение.

Ритуальные самоубийства старообрядцев, практиковавшиеся с XVII по XIX вв., представляют собой сложное явление, претерпевшее ряд изменений с течением времени. Аутодеструктивные идеи получили распространение в старообрядчестве уже в первые десятилетия его существования. Первоначально среди раскольников было распространено «запашивание» – отказ принимать пищу, приводящий к смерти верующего, затем перешли к самоотпелению, однако впоследствии получили распространение «гари» – массовые самосожжения. Наряду с ними существовали и иные формы самоистребления: самозаклания, самопогребения, самоудушения дымом в пещере, самоподрыв при помощи порохового заряда и поочередное отрубание голов всем собравшимся [1, 25], однако они носили одиночный характер, тогда как самосожжения приобрели массовое распространение среди последователей старой веры. Большинство исследователей полагают, что истоки старообрядческих «гарей» восходят к самосожжению в вязниковских лесах Владимирского уезда последователей старца Капитона Колесникова [11, 19]. Именно после этого события число самосожжений возрастает.

Старообрядческий суицид был достаточно распространён вплоть до конца XIX в. Причём если самоубийства XVII – первой половины XVIII вв. ещё можно объяснить преследованиями со стороны властей, то в 1762 году Сенатом был издан указ «О прекращении изследований о самосжигателях». Согласно этому указу, если старообрядцы подтвердят, что причиной их решений о самосожжении стали «причиняемые им по одному их расколу притеснения и забирая под караул, то их уверить, что производимыя об них следствия уже уничтожить повелено, которыя и действительно ныне оставить, и содержащихся под караулом тотчас в дома отпустить да и вновь никого не заирать...» [26]. Преследование старообрядцев возобновилось только при Николае I. В 1831 году в Москве был создан Секретный совещательный комитет, который должен был направлять «разномыслящих» к сближению с церковью и «не давать способов распространяться вредным учениям [27]. Однако, несмот-

ря на отсутствие преследований, в период с 1762 по 1825 годы было совершено не менее 23 массовых самосожжений [19], что не позволяет рассматривать их только как протест против действий властей.

В пользу того, что самосожжения старообрядцев не связаны с их преследованием властями, говорит и тот факт, что массовые самоубийства происходили в тех губерниях, где старообрядцы не подвергались преследованиям. Часто суициды совершались верующими не в ситуации отчаяния, не под влиянием нужды или преследований со стороны властей, а являлись следствием целенаправленной подготовки к важнейшему, с их точки зрения, обряду. Так, по данным из одного из дел о старообрядческих суицидах, обнаруженному И.А. Черняковой, в лесу близ деревни Насоновской Андомского погоста, совершили массовый суицид жители 15 дворов, которые были обеспечены «всем необходимым для жизни крестьянской семьи», неподалеку от деревни находилось пристанище, в котором раскольники могли укрыться и в случае необходимости выдержать продолжительную осаду. Там имелись запасы, позволяющие жить «в течение длительного времени без контактов с внешним миром» [28]. Однако они предпочли массовый суицид, а не уединенную жизнь вдали от властей и никонианских священнослужителей. Хотя доподлинно их мотивы неизвестны, можно с определённой степенью сказать, что этот суицид нельзя объяснить преследованием старообрядцев со стороны властей.

Анализируя причины самосожжений старообрядцев и их эволюцию, Е.Р. Романова предлагает выделить четыре типа самоубийств [19]. Первый из них практиковался сразу после раскола и был связан с ожиданием старообрядцами конца света. Самосожжение рассматривалось ими как единственный способ спасения от Антихриста. Второй тип самоубийств возник тогда, когда старообрядчество стало самостоятельным, оформившимся движением. К самосожжению старообрядцы прибегали как к мере защиты от преследователей, рассматривая его как подвиг мученичества. Третий тип самоубийств возник с середины XVIII века в условиях, когда власти смягчают политику по отношению к старообрядцам, однако те сами начинают провоцировать конфликты с властями, рассматривая самоубийство как самоцель и единственный надёжный путь к спасению. И,

наконец, четвертый тип самоубийств, характерный для XIX века, связан с укоренением данной практики в старообрядческой культуре. Решение о суициде принималось старообрядцами в силу традиции. К самоубийствам начали прибегать для решения конфликтов, возникавших между крестьянами и местной властью. Однако, несмотря на имевшиеся различия, можно выделить то, что объединяет старообрядческий суицид в разные исторические периоды, – это его распространённость в крестьянской среде и ярко выраженная ритуальная составляющая. Хотя традиционное христианство осуждает суицид, в старообрядчестве он получил распространение, став, в XVII–XIX вв. фактически частью обрядности. Попытки найти догматическое объяснение суициду старообрядцев в отрыве от его ритуальной составляющей свидетельствуют о непонимании специфики народной религиозности с присущим ей приоритетом обряда над догматом. Именно рассмотрение старообрядческого суицида в контексте синкретизма архаического мышления, сохранившегося в крестьянской среде России XVII в. и даже в более поздние периоды, позволяет понять данное явление и объяснить его распространение.

В любой развитой религиозной системе наряду с официальной теологией можно выделить так называемую «народную религиозность» или «народную веру». Народная религиозность представляет собой «статическую веру» в терминологии А. Бергсона [29], которая защищает традиционное общество от новшеств и интеллектуальных исканий современников. Концепция народной религиозности находится в стадии становления, однако общеизвестно, что верования, бытующие в народной, прежде всего крестьянской среде, отличаются от канонических практик, признаваемых и распространяемых официальной церковью. Народная религиозность включает в себя те практики, которые не кодифицированы, а связаны с народными обычаями, включены в повседневную жизнь. Особенностью народной религиозности является отсутствие в ней чётких, точных формулировок и некое обобщенное восприятие религиозного опыта своего социального окружения. Для народной религиозности характерно доминирование эмоционального восприятия религии. По мнению Ю. Арнаутовой, народная религиозность бытует в пространстве устной культуры, за которой стоит мифологический

(архаический) тип мышления [30]. Анализируя народную религиозность, польский учёный Е. Бартминьский отмечал, что она включает в себя элементы древних культурных традиций, восходящих к славянскому и даже индоевропейскому наследию [31]. Таким образом, народная религиозность синкретична. Под синкретизмом в данном случае понимаются «специфические модификации, происходящие в устоявшихся религиозных системах и культовых практиках, вызванных влиянием гетерогенных религиозных традиций, как правило, находящихся на разных уровнях разработанности дискурса» [32]. Одним из проявлений синкретизма архаического мышления является игнорирование причинно-следственных связей между явлениями и вера в эффективность ритуала.

Как известно, традиционное крестьянское мировоззрение архаично и крайне медленно подвергается трансформации. Долгое время в русской деревне христианство сочеталось с языческими верованиями. Как писал Е.В. Аничков, «христианизация деревни – дело не XI и XII вв., а XV и XVI, даже XVII вв.» [33]. Вплоть до XVIII в. значительная часть русского народа продолжала придерживаться языческих обрядов, сочетавшихся с христианством [34]. В народном сознании XVII в. христианство рассматривалось «не как религия, претендующая на духовную монополию, оно принималось сообразно не с христианской, а с языческой традицией, согласно которой “новое не вытесняет старого, а наслаивается на него, добавляется к старому”» [35]. Реформы патриарха Никона, вызванные стремлением церковных иерархов к приведению обрядности в соответствие каноническому вероучению, стали для крестьянского населения, с присущим его мировоззрению сложным сплавом христианской традиции и архаических представлений об устройстве мира, крайне болезненным изменением вековых традиций.

Следует также учитывать, что в период становления старообрядчества, большинство населения, особенно сельского, были неграмотны, они знакомились с основами вероучения на основе устного рассказа священника, зачастую тоже не очень образованного и сведущего в тонкостях доктрины. Кроме того, среди самих вероучителей в XVII и даже в XVIII в. было немало неграмотных. Христиан-

ское вероучение воспринималось старообрядцами весьма условно, на него наслаивались положения, изначально весьма далёкие от христианской религии. Народ воспринимал его в контексте анимистической, магической, мифологической картины мира, присущей традиционному обществу [36]. Таким образом, старообрядчество представляет собой неинституционализированную форму религии, своего рода народную религию, в которой христианские представления сочетались с дохристианскими, архаическими воззрениями.

Одной из особенностей народной религиозности является обрядовое, подмена догмата и обряда. Исторически на Руси была неразвита богословская наука, и обряд всегда имел первостепенное значение, церковная проповедь часто замещалась чётким следованием ритуалу, на основании которого и отличали верующего от неверующего. Немецкий путешественник Адам Олеарий, побывавший в России в 30-х гг. XVII века, отмечал, что в московских церквях не слышно библейских текстов, нет проповедей, «большинство, в особенности – простолюдине, немного могли бы объяснить и ответить о догматах своей веры» [37]. Верующие рассматривали обряд не просто как особый способ поклонения высшим силам, а как «целый образ жизни» [38]. Ритуал для старообрядцев – это не визуализация веры, он и есть сама вера, сама религия. В.П. Рябушинский, сам являющийся выходцем из семьи староверов, в своей книге «Старообрядчество и русской религиозное чувство» объясняет приверженность староверов обрядам следующим образом: «В религиозной жизни человека дух и интеллектуальная часть души находят себе выражение в догмате, а дух и сторона души, образующая область чувства, создают то, что называется религиозным чувством. <...> Через догмат и религиозное чувство в материальную оболочку обряда входят элементы духа и обеих сторон души, как рассудочной, так и области чувства – поэтому в обряде соединяются свойства всех трёх ликов человеческого естества» [39]. Именно поэтому нарушение ритуала рассматривалось противниками реформы Никона как отступление от истинной веры.

В условиях раскола происходит отделение богословски образованной части общества от неграмотной и незнакомого с христианской догматикой его части. Именно представители

этой, второй части, пополняют ряды старообрядцев. Неудивительно, что в этих условиях усиливается значение ещё дохристианских воззрений, бытовавших в народной среде. Распространение самосожжений у старообрядцев восходит ещё к праславянским представлениям о роли огня в жизни человека. А.С. Ахиезер полагал, что самосожжения есть одно из проявлений «манихейского сознания», присущего старообрядцам, которые считали, что предание себя огню «есть очищение от скверны» [40]. Согласно славянской мифологии, огонь очищал душу покойника от грехов. У славян существовал обычай сожжения мёртвых, также подтверждающий, что огонь есть очистительная стихия [41]. Причём с умершими часто сжигали не только их вещи, но и животных, и людей, что связано с идеей бессмертия души. Как писал И.И. Срезневский, огонь воспринимался древними славянами как первородная стихия, сила которой участвовала в сотворении мира [41]. Самосожжение таким образом связано с традиционными дохристианскими представлениями об «огненной смерти», базирующимися на «очищающей и воскресающей силе пламени». М.Б. Плюханова, изучавшая фольклорные памятники, указывает, что тема огня и перехода через огненную реку широко распространена в духовных стихах, на основе анализа которых можно прийти к выводу о том, что за самосожжением стоит образ самовольно творимого Страшного Суда [42]. Например, в стихе «Милостивая жена» мать бросает в раскаленную печь собственного младенца ради спасения Христа [43]. Таким образом, старообрядцы как искренне верующие люди, совершая суицид, руководствовались стремлением достичь личного спасения. Они полагали, что, предав себя очищающей силе огня, смогут обрести жизнь вечную.

Наряду с архаическими представлениями о роли огня в жизни человека, распространившихся среди старообрядцев, на формирование убеждений об очищающей силе огня оказали влияние и исторические события, обросшие многочисленными слухами. Как указывает Е.В. Романова, представление о том, что огненная смерть есть способ защиты вероучения, зародились в России в начале XVII века во время Смуты [19]. Так в «Записках» гетмана Станислава Жолкевского говорится о том, что после взятия поляками Смоленска в 1611 г. «взорвана была половина огромной церкви

(при которой имел свое пребывание архиепископ) с собравшимися в ней людьми, которых неизвестно даже куда девались разбросанные остатки и как бы с дымом улетели. Когда огонь распространился, многие из москвитян, подобно как и в Москве, добровольно бросились в пламя за православную, говорили они, веру» [44]. На основе этого текста Е.В. Романова приходит к выводу, что задолго до раскола самосожжение уже рассматривалось как способ сохранения чистоты православия. Старообрядцы просто возвели его в ранг обряда, следование которому стало свидетельством истинной веры.

Поскольку сам ритуал, в том числе и ритуал самосожжения, имел для старообрядцев первостепенное значение, изначально его догматическому оправданию противники реформ Никона не уделяли внимания. Однако уже в конце 70-х – начале 80-х гг. XVII века появляются первые попытки обоснования «гарей», что осложнялось в целом негативным отношением к суициду в рамках христианства. Оправдывая суициды, старообрядческие проповедники обращались к истории раннего христианства, ссылались на мученика Лукиана, святую мученицу Соломонию, святую мученицу Манефу и других первохристиан [19]. В качестве примеров самоубийств во имя веры они приводили девицу Пелагию из жития Лукиана, пресвитера Антиохийского, которая «егда веры ради Христовы на мучение бысть искана», выбросилась из окна; Марчиана, который, не желая впасть в плотский грех с собственной женой, «сам принес хвратия и огонь вжег, и вниде во пламень» [45]. Для догматического оправдания суицида использовались те сюжеты из Библии, в которых есть упоминания об огне. Среди них эпизоды Евангелия от Матфея и от Луки, повествующие о проповедях Иоанна Крестителя: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь его; он будет крестить вас духом Святым и огнем» (Мф 3:11). Именно поэтому впоследствии за самосожжением закрепилось определение второго, «огненного крещения».

Для обоснования возможности суицида для христианина старообрядческие проповедники ссылались также на духовного лидера раскола – протопопа Аввакума. Доказательством того, что Аввакум не рассматривал самоубийство как грех, считалось его намерение предать себя

смерти, отказавшись от еды: «Я, плюнув на землю, говорил: “Я, реку, плюю на ево (царя – И.Л.) кормлю; не едше умру, а не предам благоверия”. И потом повели меня в темницу, и не ел дней з десяток, да братья велели» [46]. Использовался также пример канонизации самоубийцы из жития конца XVI века, в котором повествуется о причисленном к лику святых жителя русского севера Кирилле Вельском, который, будучи оскорблённый боярином, утопился в реке» [47]. Однако догматическое обоснование суицида – это скорее попытка объяснить его той части верующих, которые последовали реформам Никона, то есть своим идеологическим противникам. Сами же старообрядцы по большей части не нуждались в догматическом обосновании суицида. Обрядовая сторона была для них первична. Со временем суицид для старообрядцев становится таким же значимым ритуалом, как и иные обрядовые действия.

О значимости именно ритуальной составляющей для самих старообрядцев свидетельствует тщательно продуманная подготовка к совершению самосожжения, в частности, строительство специальных сооружений, в которых будет совершаться обряд – «згорелых домов». Такие дома строились старообрядцами в глухих, удаленных местах по определённому образцу. В XVII в. они представляли собой просторные помещения с несколькими комнатами, имеющими небольшие окна, через которые нельзя спастись от огня [48]. Строительство таких сооружений, как правило, велось тайно. О целенаправленной подготовке к самосожжению свидетельствовало наличие в таких домах легковоспламеняющихся материалов: бересты, соломы, смолы, пороха. Д.И. Сапожников, опираясь на материалы следственного дела о самосожжении 1738 г. в деревне Шадринной, пишет, что постройки для самосожжений, включавшие четыре больших и шесть малых изб, были окружены частоколом, имели узкие входы, в которые едва может войти один человек. Сверху в них «вбиты запуски, к дверям и запускам для запора слези, запуски сделаны из толстого лесу, в середине во всех избах и сенах, и наверху и внизу, с полу набросаны кудель, веники, солома, смоль». Чтобы одновременно зажечь все строения, в желобах вокруг них насыпан порох [49]. Описание интерьера «згорелого дома» редко встречается в источни-

ках. Н. Загоскин, описывая тюменское самосожжение 1753 г., отмечал, что в интерьере «згорелого дома» было много икон, перед которыми горели свечи. Старообрядцы совершали молитвы со свечами в руках и причащались из белого деревянного сосуда, имевшего форму большого стакана [50]. Со временем старообрядцы уделяют всё больше внимание выбору места для строительства «згорелого дома». Например, накануне самого крупного самосожжения в истории старообрядчества, произошедшего в 1756 г. около деревни Мальцевой, были приглашены специальные «старцы», которые указали место горения и благословили строительство там девяти изб «из которых две, поставленные тесно одна к другой без внутренней между ними перегородки, представляли что-то вроде молельной. Под избами, в подвальных помещениях, были сложены смолье и солома» [51]. Строительство «згорелых домов» свидетельствует, что суицид был для старообрядцев осознанным и продуманным поступком, а не спонтанным актом отчаяния, само сооружение подобных зданий, как и все последующие действия сопровождалось чётким ритуалом, крайне значимым для старообрядцев.

Самосожжению всегда предшествовала коллективная молитва. Староверы, как описывает А.С. Пругавин, шили для всех участников обряда «смертные рубахи» из белого холста [52]. Как пишет Г.В. Есипов, перед совершением самосожжения старообрядцы одевали белые рубахи и бумажные венцы, с нанесённым на них красными чернилами восьмиконечным крестом [2]. Восьмиконечный крест трактовался старообрядцами как иконно русский древний крест, который когда-то был изображен на стягах Дмитрия Донского, как крест Владимира Святого и княгини Ольги – первой христианки [53]. Ещё один фактор, свидетельствующий о значимости обрядовой стороны для лиц, совершивших самосожжение, это их стремление приурочить суицид к религиозным праздникам, например, к Пасхе. Праздник связывался в народном сознании с реинкарнацией, с переходом в новое качество. Так, усть-цилемские старообрядцы полагали, что в день Святой Пасхи «Господь призывает к себе только самых преданных вере» [54], и потому, умереть в такой день – высшее счастье. Таким образом, в сознании староверов придавалось особое значе-

ние обрядовой стороне суицида, которая соединялась с догматом, а зачастую и подменяла собой догмат.

В конце XIX – начале XX в., уже после прекращения массовых самосожжений староверов, обрядность трансформируется. Теперь сами места, в которых когда-то был совершён ритуальный суицид, становятся культовыми. Формируются обрядовые практики поклонения местам массовых самосожжений [52, 55]. Так, в газете «Олонецкие губернские ведомости» 1878 года упоминается целый ряд мест самосожжения старообрядцев, которые впоследствии стали местами поклонения и являлись таковыми во второй половине XIX в. Причём нередко эти места почитались не только староверами, но и православными [56]. Интересно, что в отдельных регионах почитание мест самосожжений сохранилось вплоть до настоящего времени. Как указывает Т.И. Дронова, в селе Усть-Цильма в Республике Коми и в начале XXI века самосжигателей «чтут как местных святых: их имена первыми зачитываются на вселенских поминальных службах <...> В 1990-х гг. была возведена часовня на месте сгоревшего скита, а в 2005 г. рядом установлен трехметровый восьмиконечный резной крест. Ежегодно на Троицу и на Иванов день к поклонному месту съезжаются староверы района и правят службы по усопшим скитникам» [57]. Таким образом, обрядоверие вплоть до сегодняшнего времени присуще народной религиозности, которая отличается от официальной теологии.

Выводы.

Несмотря на то, что ортодоксальное христианство осуждает суицид, считая его одним

из тяжких грехов, в старообрядчестве ритуальные самосожжения приобрели статус значимого и одобряемого верующими религиозного обряда, понять специфику которого возможно в рамках концепции народной религиозности, с присущими ей синкретизмом, синтезом христианства с архаическими верованиями.

Одним из атрибутов народной религиозности является обрядоверие – подмена догмата обрядом. Распространённость обрядоверия среди староверов обусловлена слабым развитием догматики в православии, а также неграмотностью многих старообрядцев, что исключало саму возможность их знакомства с каноническими текстами. Суицид рассматривался староверами как акт следования специфически понимаемому религиозному долгу, совершившие его старообрядцы, вероятно, руководствовались стремлением достичь личного спасения и жизни вечной.

В уединённых поселениях подготовка к суициду могла стать такого рода ритуальной практикой под влиянием деятельности старообрядческих проповедников, распространяемых слухов, а также бытовавших в народной среде дохристианских представлений, в частности веры в спасающую, очистительную силу огня. О ритуальном характере самоубийств свидетельствует тщательная подготовка к их совершению: строительство специальных «згорелых домов», изготовление обрядовой одежды, стремление приурочить суицид к религиозным праздникам, почитание мест самосожжения.

Литература / References:

1. Добровровский И.М. О самосжигательстве раскольников. *Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии*. Казань: Типография губернского правления, 1861; 1: 424–443. [Dobrovorskiy I.M. About the self-immolation of schismatics. *Orthodox interlocutor published at the Kazan Theological Academy*. Kazan: Printing house of the provincial government, 1861; 1: 424–443] (In Russ)
2. Есипов Г. Самосжигатели *Отечественные записки*. 1863; 2 (CXLVI): 605–627. [Esipov G. Self-immolators. *Domestic notes*. 1863; 2 (CXLVI): 605–627.] (In Russ)
3. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895; 608. [Lileev M.I. From the history of the schism on the Branch and in Starodubye of the XVII–XVIII centuries. Is. 1. Kiev: Printing house of G.T. Korczak-Novitsky, 1895; 608.] (In Russ)
4. Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964; 171. [Grekulov E.F. The Orthodox Inquisition in Russia. M.: Science, 1964; 171.] (In Russ)
5. Карцев В.Г. Религиозный раскол как форма социального протеста в истории России. Калинин: Изд-во КГУ, 1971; 160. [Kartsev V.G. Religious schism as a form of social protest in the history of Russia. Kalinin: Publishing house KGU, 1971; 160.] (In Russ)
6. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974; 394. [Pokrovskiy N.N. Antifeudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the XVIII century. Novosibirsk: Science, 1974; 394.] (In Russ)
7. Юхименко Е.М. Каргопольские «гари» 1683–1684 гг. *Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.)*. М.: Археографический центр, 1994. С. 74–83. [Yukhimenko E.M. Kargopol “burning” 1683–1684. Old Believers in Russia (XVII–XVIII centuries). M.: Archaeographic Center, 1994. pp. 74–83.] (In Russ)

8. Нильский И. Несколько слов о самосожигательстве раскольников. *Христианское чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской духовной академии*. 1864. Т. 1. С. 378–382. [Nil'skiy I. A few words about the self-immolation of dissenters. *Christian reading published at the St. Petersburg Theological Academy*. 1864. Vol. 1. pp. 378–382.] (In Russ)
9. Павлов А.А. Самосожигатели и самоутопленники в Сибири. 1782–1783 гг. *Русская старина*. 1879; 10: 336–340. [Pavlov A.A. Self-immolators and self-drowned in Siberia. 1782–1783. *Russian antiquity*. 1879; 10: 336–340.] (In Russ)
10. Смирнов П.С. Происхождение самоистребления в русском расколе. *Христианское чтение*. 1895. Ч. 1. С. 618–634. Ч. 2. С. 170–195. [Smirnov P.S. The origin of self-destruction in the Russian schism. *Christian reading*. 1895. P. 1. pp. 618–634. P. 2. pp. 170–195.] (In Russ)
11. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование о начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1898; 504. [Smirnov P.S. Internal issues in the schism in the XVII century: A study on the beginning of the history of schism in newly discovered published and manuscript monuments. SPb.: Printing house of S.P. Yakovlev, 1898; 504.] (In Russ)
12. Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб.: Типография М. Меркушева, 1909. С. 352–363. [Smirnov P.S. Disputes and divisions in the Russian schism in the first quarter of the XVIII century. SPb.: Printing house of M. Merkushev, 1909. pp. 352–363.] (In Russ)
13. Федоров Г. Заживо погребенные. Исторический очерк из жизни раскольников. Херсон, 1906; 38. [Fedorov G. Buried alive. A historical sketch of the life of schismatics. Kherson, 1906; 38.] (In Russ)
14. Шульгин В.С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII в. *История СССР*. 1969; 4: 130–139. [Shul'gin V.S. "Kapitonovschina" and its place in the split of the XVII century. *History of the USSR*. 1969; 4: 130–139.] (In Russ)
15. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII в. М.: Церковь, 1995; 527. [Zen'kovskiy S.A. Russian Old Believers: spiritual movements of the XVII century. M.: Tserkov', 1995; 527.] (In Russ)
16. Маняхина М.Р. Отражение реформы Никона в деятельности Тобольской епархии и духовной жизни Сибири в XVII – первой половине XVIII вв. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. 2003; 3(5): 253–263. [Manyakhina M.R. Reflection of Nikon's reform in the activities of the Tobolsk diocese and the spiritual life of Siberia in the XVII – first half of the XVIII centuries. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2003; 3(5): 253–263.] (In Russ)
17. Пулькин М.В. Огненная прелюдия Империи (старообрядческая дискуссия о самосожжении в конце XVII в.). *Человек между Царством и Империей*. М.: Наука, 2003. pp. 318–327. [Pulkin M.V. Empire's Prelude of Fire (Old Believer discussion of self-immolation at the end of the XVII century). *Man between the Kingdom and the Empire*. M.: Science, 2003. pp. 318–327.] (In Russ)
18. Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев в XVIII веке. По материалам Европейского Севера России. *Одиссей. Человек в истории*. 2003; 15: 105–120. [Pulkin M.V. Self-immolation of the Old Believers in the XVIII century. According to the data from the European North of Russia. *Odysseus. Man in History*. 2003; 15: 105–120.] (In Russ)
19. Романова Е.В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012; 288. [Romanova E.V. Mass self-immolation of the Old Believers in Russia in the XVII–XIX centuries. SPb.: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2012; 288.] (In Russ)
20. Барсков Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1912; 442. [Barskov Ya.L. Monuments of the first years of the Russian Old Believers. SPb.: Printing house of M.A. Aleksandrov, 1912; 442.] (In Russ)
21. Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода: Памятники старообрядческой письменности. Сост. Н.Ю. Бубнов. СПб.: РХГИ, 1998; 384. [Sources on the culture and class struggle of the feudal period: Monuments of Old Believers. Ed. by N.Yu. Bubnov. SPb.: RKhGI, 1998; 384.] (In Russ)
22. Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. *Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода*: Сб. Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Наука, 1982. С. 48–79. [Pokrovskiy N.N. A review of the information of forensic investigative sources on the political views of Siberian peasants of the late XVII – mid XIX century. *Sources on the culture and class struggle of the feudal period*: Collection of works. Ed. by E.K. Romodanovskaya. Novosibirsk: Science, 1982. pp. 48–79.] (In Russ)
23. Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): Сб. науч. тр. Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Археогр. Центр, 1994; 237. [Old Believers in Russia (XVII–XVIII centuries): Collection of scientific papers. Ed. by E.M. Yukhimenko. M.: Archaeographic Center, 1994; 237.] (In Russ)
24. Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. тр. Вып. 4. Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Языки славянских культур, 2010; 752. [Old Believers in Russia (XVII–XX centuries): Collection of scientific paper. Is. 4. Ed. by E.M. Yukhimenko. M.: Languages of Slavic cultures, 2010; 752.] (In Russ)
25. Сикорский И.А. Эпидемическая вольная смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тирасполя): Психологическое исследование. Киев, 1987; 99. [Sikor'skiy I.A. Epidemic free deaths and homicides in Ternovsky farms (near Tiraspol): A psychological study. Kiev, 1987; 99.] (In Russ)
26. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830: В 48 т. Т. XV: С 1758 по 28 июня 1762: От № 10778 до 11581. 1830. № 11434. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: First Collection: From 1649 to December 12, 1825. SPb.: Printing house of the 2nd Branch of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830: in 48 vols. Vol. XV.: From 1758 to June 28, 1762: From № 10778 to 11581. 1830. № 11434.] (In Russ)
27. Собрание постановлений по части раскола. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1875; 776. [Collection of decisions on the schism. SPb.: Printing house of the Ministry of the Interior, 1875; 776.] (In Russ)
28. Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998; 296. [Chernyakova I.A. Karelia at the Turn of the Ages: Essays on the Social and Agricultural History of the XVII century. Petrozavodsk: Publishing House of Petrozavodsk State University, 1998; 296.] (In Russ)
29. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994; 384. [Bergson A. Two sources of morality and religion. M.: Canon, 1994; 384.] (In Russ)
30. Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб.: Алетейя, 2004; 398. [Arnautova Yu.E. Sorcerers and Saints: Anthropology of the Disease in the Middle Ages. SPb.: Aletejya, 2004; 398.] (In Russ)
31. Барминский Е. Христианство и народная культура: Богоматерь в польской народной традиции. *Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*. Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 107–130. [Bartmin'skiy E. Christianity and Popular Culture: Our Lady of the Polish Folk Tradition. *Language of culture: semantics and grammar. To the 80th anniversary of academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996)*. Ed. by S.M. Tolstaya. M.: Indrik, 2004. pp. 107–130.] (In Russ)

32. Волкова А.Н. Мифологические элементы и проявления синкретизма в народной религии. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2009; 1 (3): 121–129. [Volkova A.N. Mythological elements and manifestations of syncretism in folk religion. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2009; 1 (3): 121–129.] (In Russ)
33. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1914; 425. [Anichkov E.V. Paganism and Ancient Russia. SPb.: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1914; 425.] (In Russ)
34. Пьяных Е.П. Религия и церковь в истории России. *Вестник Уральского государственного университета путей сообщения*. 2012; 2: 95–107. [P'yanykh E.P. Religion and the church in the history of Russia. *Vestnik of Ural State University of Railway Transport*. 2012; 2: 95–107.] (In Russ)
35. Власов В.Г. Христианизация русских крестьян. *Советская этнография*. 1988; 3: 3–15. [Vlasov V.G. Christianization of Russian peasants. *Soviet ethnography*. 1988; 3: 3–15.] (In Russ)
36. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990; 396. [Gurevich A.Ya. Medieval World: The Culture of the Silent Majority. M.: Art, 1990; 396.] (In Russ)
37. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с. [Oleariy A. Description of travel to Muscovy. Smolensk: Rusich, 2003. 480 p.] (In Russ)
38. Button R.W. The Theology of Ritual and the Russian Old Rite: «The Art of Christian Living». MA thesis. Exeter: University of Exeter, 2015; 143.
39. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русской религиозное чувство. М.: Иерусалим: Мосты, 1994; 240. [Ryabushinskiy V.P. Old Believers and Russian religious feeling. M.: Jerusalem: Bridges, 1994; 240.] (In Russ)
40. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. От прошлого к будущему: В 3 т. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997; 804. [Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical experience. From past to future: in 3 vols. Vol. 1. Novosibirsk: Siberian chronograph, 1997; 804.] (In Russ)
41. Срезневский И.И. Святые и образы языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков: Б/и, 1846; 110. [Sreznevskiy I.I. Sanctuaries and images of the pagan worship of the ancient Slavs according to modern evidence and traditions. Kharkov, 1846; 110.] (In Russ)
42. Плоханова М.Б. О некоторых чертах народной эсхатологии в России XVII – начала XVIII веков. *Проблемы типологии русской литературы. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Ученые записки Тартуского университета*. 1985; 645: 54–70. [Plyukhanova M.B. About some features of folk eschatology in Russia of the XVII – early XVIII centuries. *Problems of typology of Russian literature. Proceedings of Russian and Slavic philology. Literary criticism. Scientific notes of the University of Tartu*. 1985; 645: 54–70.] (In Russ)
43. Бахтина В.А. Комментарии к основному корпусу текстов. *Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых: 1926–1928: По следам Рыбникова и Гильфердинга*. Отв. ред. В.М. Гацак. М.: Наука, 2007. С. 399–544. [Bakhtina V.A. Comments on the main body of texts. *Unpublished materials of the expedition B.M. and Yu.M. Sokolovs: 1926–1928: In the wake of Rybnikov and Hilferding*. Ed. by V.M. Gatsak. M.: Science, 2007. pp. 399–544.] (In Russ)
44. Рукопись Жолкевского. *Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского*. Сост. А.И. Цепков. Рязань: Александрия, 2007. С. 335–446. [The manuscript of Zholkevsky. *Notes by Stanislav Nemoevsky (1606–1608). The manuscript of Zholkevsky*. Ed. by A.I. Tsepkov. Ryazan: Alexandria, 2007. pp. 335–446.] (In Russ)
45. Сборник старообрядческий. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Q. XVII. Л. 242–242 об. [Old Believers Collection. Russian National Library. Manuscript department. Q. XVII. S. 242–242 turnover.] (In Russ)
46. Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Елифания. Л.: Наука, 1975; 263. [Pustozersky collection: Auto-graphs of Habakkuk and Epiphanius. L.: Science, 1975; 263.] (In Russ)
47. Дмитриев Л.А. Жанр севернорусских житий. Труды Отдела древнерусской литературы. Отв. ред. А.М. Панченко. Т. 27: История жанров в русской литературе X–XVII вв. Л.: Наука, 1972. С. 181–202. [Dmitriev L.A. The genre of northern Russian lives. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Ed. by A.M. Panchenko. Vol. 27: History of genres in Russian literature of the X–XVII centuries. L.: Science, 1972. pp. 181–202.] (In Russ)
48. Пулькин М.В. Старообрядческие постройки для самоожжений (XVII–XVIII вв.). *Суицидология*. 2014; 5(3): 65–72. [Pulkin M.V. Old Believers built for self-immolations (XVII–XVIII centuries). *Suicidology*. 2014; 5(3): 65–72.] (In Russ)
49. Сапожников Д.И. Самоожжение в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII): Исторический очерк по архивным документам. М.: Б/и, 1891; 173. [Sapozhnikov D.I. Self-immolation in the Russian schism (from the second half of the XVII century to the end of the XVIII century): Historical outline of archival documents. M., 1891; 173.] (In Russ)
50. Загоскин Н. Самоожигатели. Очерк из истории русского раскола. *Литературный сборник «Волжского вестника»*. 1883; 1(1): 165–204. [Zagoskin N. Self-Immolators. Essay from the history of the Russian schism. *Literary collection "Volzhsky Vestnik"*. 1883; 1(1): 165–204.] (In Russ)
51. Беликов Д.Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск: Паровая типография Н.И. Орловой, 1905; 69. [Belikov D.N. Ancient schism within the Tomsk region. Tomsk: Steam printing house of N.I. Orlova, 1905; 69.] (In Russ)
52. Пругавин А.С. Самоистребление: Проявления аскетизма и фанатизма в расколе. *Русская мысль: Журнал научный, литературный и политический*. 1885; 1: 77–111. [Prugavin A.S. Self-destruction: Manifestations of asceticism and fanaticism in a schism. *Russian thought: scientific, literary and political Journal*. 1885; 1: 77–111.] (In Russ)
53. Майнов В.Н. Живые покойники. *Исторический вестник*. 1881; 6: 747–772. [Maynov V.N. Living dead. *Historical Bulletin*. 1881; 6: 747–772.] (In Russ)
54. Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX вв.). Сыктывкар, 2002; 276. [Dronova T.I. Russian Old Believers of Ust-Tsilma, Bessopopists: Confessional Traditions in the Rites of the Life Cycle (end of XIX – XX centuries)]. Syktyvkar, 2002; 276.] (In Russ)
55. Пулькин М.В. Почитание мест самоожжения старообрядцев на Европейском Севере России (XIX – начало XX вв.) *Мировоззрение и культура севернорусского населения*: Сб. ст. Отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2006. С. 215–223. [Pulkin M.V. Honoring the places of self-immolation of Old Believers in the European North of Russia (XIX – early XX centuries). *Worldview and culture of the North Russian population*: Collection of works. Ed. by I.V. Vlasova. M.: Nauka, 2006. pp. 215–223.] (In Russ)
56. Самоожжения староверов. *Олонетские губернские ведомости*. 1878; 57: 698–700. [Self-immolation of the Old Believers. *Olonets Provincial Gazette* 1878; 57: 698–700.] (In Russ)
57. Дронова Т.И. Легенды и предания о местнотимых святых и поклонных местах Пижемского края: По материалам исследований нижепечерских староверов-беспоповцев *Рябининские чтения. Материалы науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера*. Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижь», 2007. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/334.html>. [Legends and stories about locally revered saints and venerable places of the Pizhema region: Based on materials from studies of the below-cave Old Believers-Bespopovites. *Ryabinin readings. Materials scientific. conf. to study the folk culture of the Russian North*. Ed. by T.G. Ivanova. Petrozavodsk: Museum-Reserve "Kizhi", 2007. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/334.html>] (In Russ)

RITUAL SUICIDE AMONG OLD BELIEVERS IN RUSSIA AS A DISPLAY OF POPULAR RELIGIOUSNESS

I.V. Lysak

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; ivlysak@sfedu.ru

Abstract:

Any researcher studying the phenomenon of mass self-immolation practiced by Old Believers will unavoidably face the following issue: if they considered themselves the followers of true Orthodox Christianity undistorted by Nikon's reforms, why would they take their own lives, thus committing a mortal sin? The purpose of this study is to analyze the practice of suicide among Old Believers as an aspect of "popular religiousness", which explains why the rite was considered more important than doctrine. Our research is based on a sociocultural approach with the use of historicistic and deterministic principles, as well as concrete historical and historical genetic methods. The article uses materials from investigations and legal cases following episodes of self-immolation by Old Believers, and the writings of Old Believers themselves. We conclude that the contradiction between the practice of suicide widespread within the Old Believers community and the Christian attitude towards suicide dissolves if we consider the nature of popular Orthodoxy in the 17–19th centuries. Popular religiousness is based not on religious precepts, but on the generalized perception of the religious experience of the social environment. Far from canonical practice, it features an emotional attitude towards religion. Widespread illiteracy (among the clergy as well), underdeveloped dogmas in Orthodox Christianity, and archaic ideas of the purifying and saving power of fire all made Old Believers see suicide as a path to personal salvation and eternal life. Old Believer clergy tried to substantiate suicide with dogmatic arguments by referring to Biblical stories mentioning fire and suicides committed by early Christians in order to avoid drifting away from their perception of true faith, but the main audience of their explanations were Nikon's followers. For Old Believers, self-immolation was a rite to be followed by true holders of faith. Such acts were carefully prepared, which is a testament to their ritualistic nature. Old Believers would construct special buildings for the sole purpose of self-immolation, sew what they called "death shirts", and use the octagonal cross as a symbol of true Christianity. These suicides also often coincided with the most important religious holidays, while the sites of self-immolation were considered sacred.

Keywords: ritual suicide, self-immolation, Old Believers, church schism, popular religiousness, ritualism

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 21.10.2019. Принята к публикации / Accepted for publication: 18.11.2019.

Для цитирования: Лысак И.В. Ритуальные самоубийства старообрядцев в России как проявление народной религиозности. *Суицидология*. 2019; 10 (3): 102-111. doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-03(36)-102-111

For citation: Lysak I.V. Ritual suicide among old believers in Russia as a display of popular religiousness. *Suicidology*. 2019; 10 (3): 102-111. (In Russ) doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-03(36)-102-111